

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Священникъ Утѣхинъ.

(Некрологъ).

18 декабря с. г. скончался священникъ села Убей, Буйскаго уѣзда, Василій Петровичъ Утѣхинъ, имѣя отъ роду всего 39 лѣтъ.

Покойный былъ сынъ и нынѣ здравствующаго псаломщика с. Протопопова. Кончилъ курсъ въ Симбирской духовной семинаріи въ 1896 году. Годъ былъ діаконъ въ селѣ Чурачихахъ, недолго былъ священникомъ въ с. Ембулатовѣ и 15 лѣтъ былъ священникомъ въ с. Убейхъ—и вездѣ оставилъ о себѣ самую хорошую память.

Василій Петровичъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошій священникъ. Весьма хорошъ былъ онъ какъ человѣкъ: воспитанный (очень хорошіе люди—родители), выдержанный, уравновѣшанный, добродушный.

Очень пріятенъ былъ онъ и какъ священникъ. Это былъ самый желательный типъ сельскаго священника. Былъ религіозный, никогда ни о чемъ не суетумствовалъ, христіанскіе обряды исполнялъ строго, безъ нужды ихъ никогда не нарушалъ. Такъ же строго относился онъ и къ церковному уставу.

По службѣ о. Утѣхинъ былъ очень исполнительенъ. Это былъ настоящій служака. Онъ никогда не задавался вопросами: зачѣмъ да къ чему. Но онъ не былъ слѣпой исполнитель „пославшаго“, а разумный. Мнѣ очень памятна одна бесѣда съ нимъ о нашей церковной жизни. Когда его собесѣдникъ заговорилъ о прибавленіи въ метрической книгѣ текста: „въ честь святаго N, память котораго празднуется церковью тог-

да-то“, и призналъ его совершенно лишнимъ и бесполезнымъ, то В. П. сказалъ: „писать, конечно, можно, но возлагать на эту запись такую большую надежду, какую возлагаютъ авторы его, это просто абсурдъ“. (Вѣдь, въ докладѣ прямо сказано было, что у насъ народъ потому не религіозенъ, что не знаетъ—имя какого святого онъ носить). Или одинъ уѣздный наблюдатель вошелъ съ докладомъ, что церковныя школы идутъ недостаточно успѣшно—потому, что не при всѣхъ школахъ имѣются школьные совѣты, а будутъ совѣты, все пойдетъ хорошо. Его собесѣдникъ выразилъ полное недоумѣніе, а о. Утѣхинъ сказалъ: „если-бы дѣло зависѣло только отъ школьныхъ совѣтовъ, то это устроить не трудно; совѣты хорошая вещь, но не въ этомъ только спасеніе“. Такихъ мыслей онъ высказывалъ часто.—По убѣжденіямъ онъ былъ средняго направленія: не либераль и не консерваторъ.

У о. Утѣхина не было всевозможныхъ „обществъ“ или товариществъ,—онъ ихъ не заводилъ. Онъ строго придерживался своихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей, усердно исполнялъ ихъ. Работалъ ровно, спокойно, безъ особыхъ увлеченій „новинками“, постороннимъ дѣломъ почти не занимался, жилъ чисто приходскими интересами.

Отношеніе къ своимъ прихожанамъ у него было чисто пастырское: онъ никого близко не подпускалъ, ни у кого не заискивалъ, всѣхъ привѣтливо принималъ и провожалъ.

Убей чисто инородческий приходъ. Сознавъ, какъ важно для священника знаніе языка своихъ прихожанъ, В. П. постарался изучить чувашскій языкъ и пользовался имъ вездѣ—и въ школѣ и въ церкви.

Народъ относился къ нему хорошо, съ нимъ у него не было никогда никакихъ недоразумѣній. Еще при жизни всѣ всегда отзывались о немъ съ самой хорошей стороны, а послѣ смерти всѣ только и твердили, что батюшка былъ очень хорошій.

О. Утѣхинъ былъ если не со всѣми достоинствами, то со многими, но уже крупныхъ недостатковъ не имѣлъ. И по

тому Господь благословилъ его во всѣхъ отношеніяхъ: далъ ему весьма достойную матушку, такую же умную, выдержанную, — далъ ему хорошихъ дѣтокъ (ихъ у него осталось шестеро: самый старшій учится въ III классѣ духовнаго училища, самый младшій—еще грудной), приходъ обезпечивалъ его вполне достаточно, народъ относился къ нему хорошо, начальство цѣнило его,—и уже имѣлъ камилавку. Крупныхъ несчастій у него, если не считать смерти 8 лѣтняго сына, не было. О. Утѣхинъ былъ самый счастливый сельскій священникъ.—Но въ послѣдніе годы В. П. сталъ жаловаться на животъ. Обращался къ мѣстнымъ врачамъ, ѣздилъ въ Симбирскъ и даже въ Казань, но нигдѣ точно не могли опредѣлить болѣзнь. Только нынче осенью въ Казани признали ракъ желудка, но сказали, что уже поздно. Удивительные люди эти врачи! поѣдешь вскорѣ, говорятъ, что болѣзнь еще не выяснилась, нельзя поставить діагноза; поѣдешь немного погодя,—говорятъ: поздно. Покойный очень удивлялся отношенію профессоровъ къ больнымъ, онъ вынесъ впечатлѣніе, что профессорамъ нужны деньги, деньги, деньги; ты у него отнимаешь нѣсколько минутъ и за это заплати ему деньги да большія...

Отпѣвать собрались всѣ окрестные священники, родственники и весь приходъ. Литургію совершало 6 священниковъ и 2 діакона, отпѣваніе—8 священниковъ; пѣло два хора и довольно хорошо. Много тутъ было слезъ и рыданій... особенно убивалась старуха мать. Прощались болѣе часа, картина была ужасная, вся церковь рыдала... Произнесено было одно поученіе въ утѣшеніе осиротѣвшимъ и въ назиданіе присутствующихъ и три надгробныхъ слова. (свещ. Ивановымъ, Фіалковымъ и М. Ф. Ефимовымъ. Всѣ три оратора характеризовали покойнаго какъ примѣрнаго священника и человека. Особено подробно охарактеризовалъ покойнаго его прихожанинъ М. Ефимовъ, рѣчь котораго приводимъ ниже.

Миръ праху твоему, дорогой собратъ!

Свещ. В. Димитріевъ.